

В.А. Андрусенко

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАДЕЖДЫ (МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена исследованию объективных оснований надежды – важного модуса духовного мира человека. Исходной точкой в размышлениях автора выступает признание сложного, рационально-иррационального характера сосуществования активной и страдательной составляющих мироотношения человека, его духовности. Основания надежды представляются автору многомерным явлением, её природа и роль в человеческой жизни рассматривается в связи с иными модусами духовности: совестью, стыдом, волей, страхом и т.п. Процессуальный механизм надежды связывается с появлением желаний, их фильтрацией модусами духовности, включением обогащённых модусов духовности в новую надежду

и определением новых ориентиров развития социального качества. Все надежды человека, как реализованные, так и не реализованные, по мнению автора, обобщаются и синтезируются в его судьбе. Обсуждается проблема выявления обобщённой формулы надежды, показывается целесообразность её поиска в бессознательной, сознательной и подсознательной сферах духовности. Обосновывается допустимость определения надежды как меры необходимого в случайном, действительного в возможном, желанного в должном, свободы в ответственности; представить её как системное качество человека, становящееся в направлении максимальной жизненной защищённости, эффективности представленности в мире, пластичности мироотношения, удовлетворяющего жизненного самоопределения.

Основаниями мироотношения человека являются: сам человек, душевное переживание его положения в мире, отражение этого переживания в соответствующих мировоззренческих образах, выработка программ сохранения и приумножения “человечности”. Человек стремится сохранить, обезопасить и развить себя в пестром калейдоскопе природного и социального многообразия. При этом он может, развиваясь в направлениях, адекватных его природе, в приемлемых для него формах внешнего мира, “находить себя” в этом мире, утверждаясь тем самым в самодостаточности собственных потенций, обретая уверенность в себе. Кроме того, человек может подчинять себе сопротивляющийся мир, преобразовывать его по собственным меркам, т. е. “умножать себя”. Наконец, человек, сталкиваясь с ситуациями принципиального рассогласования своих внутренних возможностей с неосвоенным бытием, может кардинально изменять собственное качество и вырабатывать новые направления его развития, т. е. “творить себя”. Эти три момента характеризуют активную (субъектную) сторону человеческого мироотношения.

Однако человек может и заблудиться в сложнейшем лабиринте жизни и, выбрав внешне привлекательный путь, по существу, “потерять себя”, ограничившись, например, простой (ситуативной) возможностью выжить, или, делая уступки внешней силе, деформируя собственные качества, человек может существенно “обеднить себя”. Наконец, безусловно подчинившись силе иного,

превратившись в пассивную субстанцию, вернувшись в рабское состояние, человек может “убивать себя”. Эти факторы свойственны для страдательной (объектной) стороны мироотношения человека.

В каждом конкретном человеке активная и страдательная составляющие создают поле жизненной напряженности, полюса которого могут меняться, что приводит к доминированию одной из составляющих в пределах одной и той же жизненной ситуации, в одних и тех же пространственно-временных рамках.

Духовный мир человека выступает в таком случае своеобразным регулятором напряжения, предвосхищая возможные необратимые перепады душевного напряжения, смену полюсов, и, по возможности, надежно блокируя человека от внешних и внутренних разрушающих воздействий.

Очевидно, сфера духовности надолго (если не навсегда) останется для человека “черным ящиком”, однако меру неопределенности в становлении, функционировании и развитии духовного мира можно в какой-то степени снижать, выясняя, с одной стороны, особенности этого мира как системного качества, а с другой – исследуя специфические свойства его составляющих.

Как в этой связи представляется нам природа и роль такого важного модуса духовного мира, как надежда?

Если понимать под надеждой в самом общем виде процесс эмоционального переживания человеком предполагаемого осуществления его желания, то можно, прежде всего,

попытаться выяснить, как этот процесс начинается, какие душевные напряжения испытывает надеющийся человек и чем этот процесс заканчивается.

Все ли желания человека оформляются в надежды? Предложим следующий вариант ответа. Человек не может иметь бесконечное количество равновозможных и одинаково жизненно важных желаний. Желания человека детерминируются наличными ценностями биологического и социального порядка. Так, во многом субординация желаний человека как социального существа определяется его установками. Эти установки как бы стягивают веер желаний, заставляя последние проверить себя друг через друга и определить степень важности, необходимости, своевременности и эффективности для данной формы жизнедеятельности человека.

Пройдя мировоззренческую фильтрацию, желания вновь субординируются в соответствии с реальными возможностями человека их удовлетворить. Скажем, можно пожелать совершить прогулку по Марсу. Но это (или подобное) желание остается лишь мечтой, практически безнадежной.

Но и этого оказывается недостаточно, поскольку в планы человека могут вмешаться иррациональные силы надындивидуального порядка. Допустим, у нас есть желание ездить на машине, есть деньги для ее приобретения, но, увы... машины – дефицит. Тогда мы вспоминаем, что хотели бы иметь ковер и холодильник или пришла пора обеспечивать квартирой детей ... Как видим, для того, чтобы попасть в разряд надежды, желания проходят своеобразный “конкурс”, выстраиваются в очередь.

Еще сложнее, видимо, осуществляется фильтрация собственно человеческих духовных качеств, определяющих сущностные параметры жизнеотношений человека. Скажем, можно ли надеяться быть счастливым, смелым, честным, совестливым, бесстрашным и т. п.? Если да, то, во-первых, человек, у которого такие желания появляются, должен прежде признать себя в какой-то мере трусом, бессовестным, лжецом и т. д., а во-вторых, он должен представлять конечные ориентиры абсолютноного счастья, честности, мужества и пр. Если он не может это сделать, то что же тогда составляет фундамент человеческих надежд? Неужели только желания обладания вещами?

Может быть, следует сделать вывод о том, что само основание надежды многомерно? Тогда можно попытаться определить системообразующий фактор этого основания.

Прочтем термин “переживание” буквально. Тогда появляется смысл необходимости “прожить желание”, выстрадать его, применить его ко всем сферам духовности. Возни-

кает внутренний план надежды. Проецируясь на “экран” духовного мира, желание инициирует активность всех его узловых точек: совести, долга, стыда, страха и т. д. Если желание соответствует выбранному направлению развития духовности, и если человек предполагает возможность его осуществления, то это желание приобретает статус надежды. В ином случае желание либо гасится, либо заменяется, либо становится надеждой-фетишем. Надежда предварительно реализуется в сфере духовного мира, и лишь затем человек начинает представлять, проигрывать варианты перевода надежды во внешний план.

По-нашему мнению, предположение о предварительном проигрывании надежды объясняется и тем, что человек чрезвычайно озабочен эффективностью средств представления его в мире. Для него было бы слишком большой роскошью жить преимущественно несбыточными или ложными надеждами и, тем более, надеждами, которые не принесут ему ничего хорошего. В начале человек надеется “для себя”, а, переводя надежду во внешний план, начинает надеяться “для других”. Поясним это утверждение.

Только сам человек знает, насколько удалось ему подняться по лестнице самотворения и одновременно опуститься в пропасть самоунижения. Синтезатором, обеспечивающим всякий раз уникальное соединение активного и страдательного компонентов, векторов духовности, выступает совесть. Соединение это, хотя и вариативно, но не произвольно. Скорее всего, наиболее развитый компонент активности сопрягается с наиболее развитым компонентом страдания и наоборот.

Надежда изначально имеет амбивалентный характер. Эта амбивалентность сохраняется и в надежде “для других”. Вынося свою надежду во внешний план, человек вновь ее корректирует, но теперь уже стыдом. Если внутренний план надежды формируется на основе желания, то для реализации внешней надежды необходима воля. Воля призвана преодолеть стыд и заявить надежду сообществу. Воля побуждает совесть, инициируя активный или страдательный компоненты на раскачивание устоявшихся, обеспечивающих внутреннюю комфортность, но не эффективных для внешнего представительства, оснований надежды, исходных желаний. Онтологически надежда – это своеобразный масштаб и вектор развития социального качества. С одной стороны, человек надеется развить, представить себя внешнему сообществу и миру в целом, а с другой – он надеется на сохранение, безопасность уже сформировавшейся и благоприятной для него системы мироотношений. Поэтому надежда генетически свя-

зана и функционально обусловлена таким феноменом духовности, как страх.

Духовный мир человека имеет свое пространственно-временное измерение. В этом отношении время выступает как изменение активного и страдательного компонентов духовности. Страдание и удовлетворенность сопровождают любой акт человеческой деятельности, любые формы его мироотношения. Пространство переживания задается, с одной стороны, страхом, а с другой – надеждой. Между страхом и надеждой размещается весь набор модусов духовности: совесть, стыд, долг, мужество, лицемерие и т. п. Скорее всего, вторым и главным основанием надежды выступает реальный “срез” человеческой духовности во всем своем многообразии.

Общий процессуальный механизм надежды может быть представлен таким образом: появление желаний – фильтрация желаний модусами духовности (определение их значимости для человека) – включение обогащенных модусов духовности в новую надежду и определение новых ориентиров развития социального качества. В этом смысле вечных надежд не должно быть, поскольку, увы, сам человек не вечен...

Попытаемся ответить на один из самых сложных вопросов: как в надежде сосуществует активная и страдательная составляющие?

Предположим, что человек, не желая себе излишней скорби, прежде всего стремится развить свое субъектное (активное) состояние, мироотношение, усилиться в качестве активной субстанции. Тогда надежда инициирует его на риск. Риск – это выбор направления развития социального качества во внешнем плане в ситуации неопределенности. Но, одновременно, надежда заставляет человека обеспечить свою безопасность, поскольку ситуация неопределенности, порождая страх, существенно сужает сферу экспансии, заставляя в первую очередь сконцентрировать потенции на самозащите. Возникающее напряжение между переживаниями риска и безопасности снимается принятием решения, поступком. При этом, на любом этапе данного процесса у человека существует возможность перехода в пассивную субстанцию, т. е. в состояние экзистенциального вакуума. К этому его могут, в частности, “подтолкнуть” безотчетный (бездумный) риск; хроническая трусость (парализующий волю страх); всепоглощающая надындивидуальная (иррациональная) сила; слабость собственных ресурсов (потенций развития социальных качеств или биологических потенций), их несоответствие выбранному направлению развития и т. п.

Но, находя и творя себя, человек одновременно рискует потерять, обеднить и убить себя.

Дать оценку отдельной надежде в процессе ее формирования или даже в процессе реализации, по-видимому, невозможно. Такая оценка может быть дана через анализ всех надежд человека (и реализованных, и нереализованных), обобщенных, синтезированных в человеческой судьбе. Судьба человека показывает, с одной стороны, меру вины человека за лично выбранную и реализованную систему ценностей, а с другой – меру беды его, как существа, необратимо деформированного внешними обстоятельствами. Судьбу человека можно было бы определить через отношение количества реализованных надежд к общему их количеству (конечно, поскольку люди стартуют в жизнь, имея разные возможности, то при оценке их надежд необходимо учитывать коэффициент преодоления себя, с одной стороны, а с другой – коэффициент сопротивляемости обстоятельствам).

Все надежды человека (и реализованные, и нереализованные) оказывают влияние на его судьбу. Насколько реализованные надежды способствуют становлению человека, настолько нереализованные деформируют его жизнь, ломают судьбу.

А можно ли предложить обобщенную формулу надежды?

В философии такие попытки уже предпринимались. При этом многие ученые (Аристотель, Д. Локк, Т. Гоббс, Р. Декарт) представляли надежду как меру чувственно переживаемых противоположных тенденций в становлении добра и зла. В наиболее обобщенной форме формула надежды выглядит так:

$$\text{Надежда} = \text{Чувство} \frac{\text{Добро (удовольствие)}}{\text{Зло (неудачи)}}$$

Надежда в такой интерпретации есть нечто, представляющее большую вероятность достижения желаемого (добра) и меньшую вероятность зла (неудач).

Долгое время желания человека понимались преимущественно как стремления к чувственному обладанию, удовольствию. И лишь в классической немецкой философии надежда стала рассматриваться и в контексте рационализированной деятельности: как мера противоположности сознательного и бессознательного (Ф. В. Шеллинг), значимой в себе и для себя субстанциональности и меняющихся прихотей, чувственных желаний (Г. Гегель), развития способностей и состояния невежества (И. Кант). В обобщенной форме можно представить это понимание надежды так:

$$\text{Надежда} = \text{Разум} \frac{\text{Добро (истина)}}{\text{Зло (заблуждения)}}$$

Здесь надежда выступает как бесконечное стремление разума человека к постиже-

нию высших истин бытия и преуменьшение воздействия нереализованных сущностей.

Позднее надежда стала связываться с планированием человеческой деятельности и преодолением жизненных неудач. В этом отношении можно выделить концепции сопряжения в надежде воли и преодоления предрасудков (Ф. Ницше), успеха деятельности и избегания неудач (В. Джеймс), возможности собственных сил человека достичь желаемого идеала и сопротивляющейся реальности (Б. Данэм), поисков и осуществления смысла жизни и бесцельной жизни (В. Франкл).

Обобщим эти представления следующим образом:

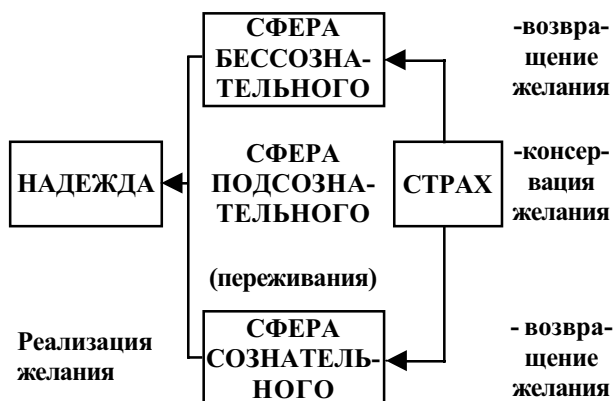
$$\text{Надежда} = \text{Деятельность} \frac{\text{Добро(цель)}}{\text{Зло(неподвластный мир)}}$$

Следует заметить, что собственно деятельность, не учитывающая или преувеличивающая роль чувственного или рационального компонентов, приводит к деформации надежд. Бессмысленная, бесполезная деятельность – источник безнадежного существования.

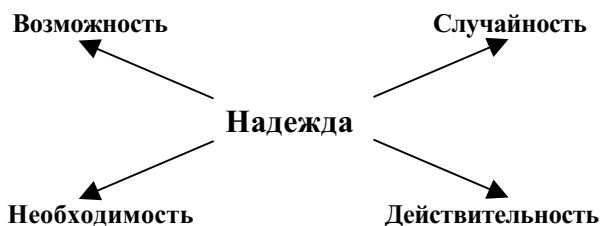
Итак, перед нами три претендующие на статус универсальных, имеющие соответствующие объяснительные и прогностические потенции концепции надежды. Однако, так или иначе, эти концепции сами по себе не дают возможности представить надежду как системное качество, репрезентирующее и чувственную, и рациональную, и деятельностную стороны мироотношения человека.

Все это заставляет нас сделать вывод о необходимости поиска формулы надежды в сфере духовности, включающей бессознательную, сознательную и подсознательную сферы.

В принципе, источником желаний человека может стать каждая из сфер духовности. Но появившееся желание не остается раз и навсегда в зоне влияния породившей его сферы, оно начинает искать наиболее благоприятную форму своего выражения. Допустим, желание появляется из бессознательной сферы. Поскольку для человека не сразу ясно, насколько это желание для него благоприятно или целесообразно, оно попадает в зону неопределенности желаний, т.е. в межполюсное пространство надежды – страха. Система духовности открыта для мира в направлении надежды. Страх прежде всего стремится законсервировать систему, предохранить от разрушения, вызванного неочтенной реализацией желания. Страх сортирует желания, либо возвращая их в изначальную сферу, либо переводя в разряд надежды с последующей проекцией во внешний мир. Схематически этот процесс может быть представлен так:

Любые надежды появляются либо в результате самостановления человека, либо в результате привнесенных извне факторов. В первом случае желание детерминируется и высчитывается (фильтруется) на оси его необходимости – случайности для мироотношения человека, а во-втором – на оси возможности внешнего феномена стать реальным желанием человека:

Если условиться, что мы знаем, что такое душа, то найти в ней место надежде или какому-либо другому душевному модусу не составило бы труда. Однако “заглянуть” в душу и выразить ее рациональными средствами еще никому не удавалось и вряд ли удастся. Можно лишь констатировать, что понимание души репрезентируется в соответствующих образах в зависимости от мировоззрения, миропонимания и мироощущения человека.

Так, например, можно выделить представление о душе как о материальном образовании, сопровождающем человека в его жизни и покидающем брренное тело после смерти. Сегодня даже описываются попытки взвесить душу усопшего. С другой стороны, душа представляется в целом ряде мировоззренческих систем как нетелесное (но реальное!) образование, поселяющееся в материальном теле в момент рождения и возвращающееся в потусторонний мир после смерти человека. Наконец, можно выделить представления о вечно перерождающейся душе, когда тело – это лишь ее временная опредмеченная (овеществленная) форма.

Отсюда можно попытаться представить надежду как системное духовное качество,

объединяющее в себе и свойства материальной телесной организации человека, и свойства интимных душевных процессов, и уникальное операционное соединение материальных и нематериальных компонентов в репрезентантах человеческого мироположе-

ния (образах судьбы, жизни, смерти и т. п.), становящейся в направлении максимальной жизненной защищенности, эффективности представленности в мире, пластичности мироотношений, удовлетворяющего жизненного самоопределения.

Статья поступила в редакцию 25.10.99г.

* * * * *

Эта статья выходит в свет после безвременной кончины её автора, академика Академии социальных наук, доктора философских наук, заведующего кафедрой философии инженерно-технических и естественнонаучных специальностей Оренбургского государственного университета Владимира Александровича Андрусенко. Профессиональный философ, истинный мыслитель, добрый друг, наставник и просто хороший человек, он жил достойно и с достоинством ушёл от нас. Строки эти написаны им незадолго до ухода...

*В надеждах брэнность пребывала,
Но в преисподней бытия
Смерть саркастично вопрошала:
«Ну кто мудрее? Ты иль я?»*

*Не нужен стал я жизни грешной?
Иль призван Богом в мир иной?
Вопрос предельно откровенный.
Ответ - предельно не простой...*

*В нас пошлый быт подчас сильнее,
Земных вериг не разорвать.
Быть может, лишь в конце узреем
Искусство жить и умирать...*

*Суетно-плотски порожденный,
В сердцах родных, в глазах друзей,
Уйду никем не покоренный
В духовной сущности своей.*

*Ну, а на смерть не стоит злиться -
Жизнь обновленьем хороша!
Да просветятся наши лица!
Да упокоится душа!*